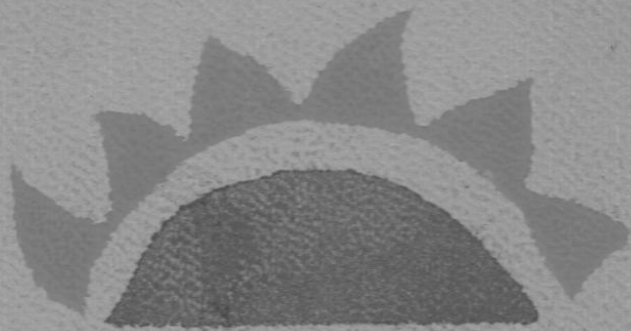
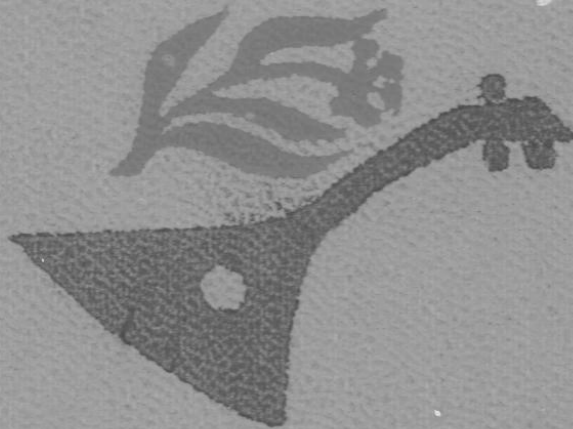

P2
A46

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ
СНЕЖЕДЬ

*Все мое и все родное,
Чем я жил и где я рос.*

М. ИСАКОВСКИЙ

Иван Александров

С Н Е Ж Е Д Ъ

*Лирические
тетради
разных
лет*

*Приокское книжное издательство
Тула • 1974*

Мою деревушку нельзя сравнить с перепелиным гнездом, затерявшимся во ржи, все же она так мала, что кажется, будто далекий предок подержал ее на ладони, полюбовался ею, опустил на зеленый пригорок и нарек ее Гудиловкой.

Я с детства полюбил ее за то, что днем она гудела, как улей, а по вечерам звенела, как гармонь, и всегда звала меня в песенный мир.

И только я собрался со своими первыми песнями выйти на улицу, как нагрянула война.

И пришлось мне писать печальные исповеди деревенских баб ушедшим на войну мужикам. А позже, когда над нашей улицей снова зазвенели песни, я стал складывать лирические исповеди для их детей, выросших за годы войны.

Подбрасывая дрова в чужие костры, я позабыл о своем и не заметил, как меня стали звать дядей. Так всегда: мы видим, как взрослеют дети, но не замечаем, как старимся сами.

Эта книга — исповедь о себе.

Иван Александров —

И $\frac{0742-034}{M154(03)-74}$ 38-74

Городская библиотека

© Издательство
Приокское, 1974

*Легли налево и направо
Моей поэзии края.
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.*

*Ее граница вьется сушей,
Петляет от реки к реке,
Пройдя по Снежеди и Зуше,
Красивой Мече и Оке.*

*Земля Тургенева и Фета
Известна далеко вокруг.
Тепло поэтами воспета
Моя столица Бежин луг.*

*Легли налево и направо
Моей поэзии края.
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя!*

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села:
Мол, только б матушка Расея
Светло и радостно жила.

Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зерна
В колосьях нашего герба.

Чудак и труженик великий,
Мой дед, чтоб я не голосил,
Пучок душистой земляники
Всегда с покоса приносил.

Я выбегал ему навстречу,
Навстречу радости самой.
А дед сажал меня на плечи
И нес торжественно домой.

Мне вспоминается в разлуке,
Что пахли ягодой тогда
Его мозолистые руки,
Его седая борода.

Чудак и труженик великий
Шагал тропинкой луговой,
А звезды зрели земляникой
Почти над самой головой.

В двенадцать лет во мне Гудиловка
Признала дружно косаря.
В двенадцать лет меня будила
Рукою матери заря.

Я сброшу сон, как полушубок,
И заспешу на дальний луг,
Где от косьбы и бабьих шуток
Дрожало марево вокруг.

Смеялась шустрая дивчина:
— Поддай, Ванюха, огоньку!
И я сгибал упруго спину
И забывал про боль в боку.

Дымилась у меня рубаха,
Дымилась шея у меня,
А знает каждый работяга,
Что нету дыма без огня.

Такого клевера не встретишь,
Хоть всю округу обойди.
Махаю час, другой и третий —
Душа заходится в груди.

А я кошу легко и рьяно:
За взмахом — взмах,
За взмахом — взмах.
Такую вымахал поляну —
Не увезти на двух возах.

Приду домой — да кружку кваса,
Да головою — в тень куста.
И мать смекнет, конечно, сразу,
Что уходился неспроста.

Она сотрет с косы травинки,
Осмотрит пятку и носок,
Погладит ласково по спинке
И охнет:
— Жало-т с ноготок!

Я слышу говор кос и грабель,
Ползущий шорох волокуш.
Я в детстве сам косил и скрабил,
Хоть был коряв и неуклюж.

Опять пообнажили спину
Мои пригорки и луга.
Метает добрая машина
Цветы и запахи в стога.

И я беру в охапку лето,
Беру в охапку целый луг,
И у меня от ноши этой
В груди захватывает дух.

В те годы мы еще не знали,
Что значит сахарный песок,
А мчались в лес и надрубали
Белесый ствол наискосок.

На тихой солнечной полянке,
На зеленеющем мыску
Мы припадали к свежей ранке,
Как к материнскому соску.

С какою радостью великой
Мы пили этот дивный сок,
Который кто-то клевеникой
За что неведомо нарек.

За ракитовой канавой,
За околицей
Уродилась рожь на славу —
Людям молится.

Все до колоса прибрали,
До соломины.
Прочь — тревоги и печали,
Здравствуй — новина!

Хочешь с полем породниться —
Руки выпачкай.
Любо-милу хлеб дымится
Первой выпечки.

Даже в поле за канавой,
За ракитником
Пахнет хлебной приправой,
Свежим ситником.

Свежий хлеб — ржаное чудо —
На моем лежит столе.
Без него бывало худо,
Очень худо на земле.

Пухли руки, пухли ноги,
Человек слабел и слеп.
До последней малой крохи
Отдавался людям хлеб.

Я раскаиваюсь горько —
Не забыть того греха:
Я швырнул однажды корку
В забияку-петуха.

— Запорю! — вскипела бабка. —
С хлебом, мальчик, не дури:
Перед ним снимали шапку
Даже грозные цари!..

Я покидал места родные,
Где я пахал, где я косил,
Где летом копны золотые
Я на волах в скирды возил.

Я шел, задумчивый и кроткий,
Через сырые зеленыя:
Земля цеплялась за подметки,
Хватала за ноги меня.

Я шел, а ветер зло и жестко
Хлестал в лицо тугой волной.
Взмахнула ветками березка
И отвернулась: «Бог с тобой!»

Я уезжал как будто в гости:
Я не забыл, что в том краю
Оставил деда на погосте,
Оставил бабушку свою.

БТ
17873

Я опять, усталый и счастливый,
В отчем доме завершаю путь.
Мокрой веткой старенькая ива
Тычется мне в грудь.

Снова в знак душевного привета,
В честь веселой встречи земляка
Поднесет мне медовухи лето
В чашечке цветка:

— Будь здоров и голову не вешай,
Перестань о прошлом горевать! —
Я уйду под вечер захмелевший
В поле зоревать.

Хочется мне полем надышаться,
Надышаться лугом и рекой,
Чтобы снова в песне отозваться
Доброю строкой.

Я в деревню часто приезжаю
И, подвыпив у нее в гостях,
Говорю о судьбах урожая,
О горячих сельских новостях.

А она про жизнь свою мирскую
По-иному судит и рядит
И невольно душу городскую
Трезвостью житейской бередит.

Виновато, горестно, покорно
Свесится хмельная голова,
И невольно подступают к горлу,
Словно кашель, жгучие слова.

Остаюсь пожизненно причастный,
В вечном неоплаченном долгу:
Я в деревню приезжаю часто,
А совсем остаться не могу.

Дорога радует не всякого,
А я всю юность колесил
То прямоезжей на Корсаково,
То окружной на Новосиль.

А где-то в самой середине
Моих тропинок и дорог —
В тени крапивы и полыни —
Лежал родительский порог.

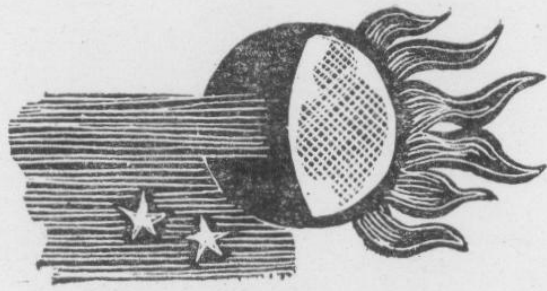
И я сворачивал в глубинку
И неизменно делал крюк,
Чтоб остывающую крынку
Принять из материнских рук.

И я невольно торопился
И не жалел, что крюк — большой.
Я, видно, с детства зацепился
За этот самый крюк душой.

*Морозною февральской полночью
Меня мамаша родила.
А день был ветреный и солнечный,
Из лужи курочка пила.*

*Стояло за окошком сретенье,
Я пробудился ото сна:
Зима вошла в одно предсердие,
В другое — забралась весна.*

*С тех пор душа невольно мается
В моих поступках и словах,
А в ней весна с зимой сшибается
И утверждается в правах.*

Всех святых на помощь звали,
Не одну сказали речь.
Долго думали-гадали,
Как меня назвать-наречь.

Мне, наверно, надоело:
Как же станут величать? —
Я во всю Ивановскую,
Ну, кричать!

Дед ударил по стаканам,
Дед сказал, как завязал:
— Называть его Иваном —
Он на деле доказал!

Все бывает у потомка —
Ошибаюсь и грешу.
Но об этом слишком громко
Не кричу и не пишу.

Скрипел январь полозьями,
Похрустывал снежок.
А в закутке молозиво
Смешно цедил Дружок.

И я теленка лапаю
И гордо признаюсь:
— Смотри, какие лапки
Мне подарил дедусь!

Теленок пол за печкою
Копытцами дробил.
И кто из нас беспечнее,
И кто счастливей был?

Опять январь полозьями
По улице скрипит,
И где-то в снежной роздыми
Далекий звон копыт...

Под нашею горою
Давно просохла грязь
И дружною травою
Лужайка занялась.

Теленок у тропинки
В новинку хруп да хруп:
Сочные травинки
Пробует на зуб.

От радости резвится
И вскидывает зад —
Розовые копытца
К солнцу летят.

Поглядит и скажет мать:
— Знать, такая долюшка:
Кому от печки плясать,
А кому от колышка!

Мать присела на порог
У сухой завалинки.
Я стою у самых ног,
Щупленький и маленький.

Мать смеется:
— Ну, пошел,
Славный мой, хорошенький!
Не цепляйся за подол —
Пробуй, пробуй ноженьки.

Ты смотри, народ, смотри
На мальчонку смелого.
Раз, два, три.
Раз, два, три...
Я полшага делаю...

— Раз, два, три.
Раз, два, три.
Раз, два, три — четыре.
Я пускаю пузыри:
На ногах — по гире.

Я ступаю и качаюсь,
Что былинка тонкая,
И на воздух опираюсь
Хрупкими ручонками.

Я ступаю целиною,
Напрягаю силушки,
И как будто за спиною
Зачесались крылышки.

Вероятно, так и было —
Я не помню этого.
То, что было, то уплыло,
Только я не сетую,

Что от этого порога,
От сухой завалинки
Пролегла моя дорога
В свет большой и маленький.

Что от тех заветных слов,
От дремучей младости
Я веду отсчет шагов,
Бед своих и радостей.

— Раз, два, три,
Раз, два, три,
Раз, два, три — четыре!
Не пускаю пузыри —
Поднимаю гири.

Волоку свои печали,
Напрягаю силушки,
И как будто за плечами
Вырастают крылышки.

Окидываю мысленно
Лощины и леса.
От Жилино до Кислино
Всего-то два часа.

Дорога, чай, наезжена,
Глядишь да повезет.
А все-таки по-прежнему
Под ложечкой сосет.

У матери хвороба,
Папаша тоже скис.
Деревья гневно ропщут
Сквозь снежный пересвист.

Завьюжило, завьюжило —
Ни колеи, ни звезд.
А мне протопать нужно
Еще десяток верст.

Хлестает ветер плетью,
Захватывает дух.
И огонек последний
За ветками потух.

Заледенели руки.
Совсем не чую ног.
Нетерпеливо стучаю
Ботинком о порог.

Покрытая тужуркой,
Спешит навстречу мать.
— Ну, заявился, урка?
А урке — тридцать пять.

И, встряхивая дрему,
Она корит меня:
— Видать, совсем от дома
Отбился, бродяжня!

Опять ты, окаянный,
Один, как вечный жид.
Когда она, арфянка,
Тебя приворожит?

Я зябко руки прячу
И хохочу сквозь боль.
И лишь ботинки плачут
На деревянный пол.

Пошлю красивую открытку
И пожелаю долго жить,
А мать присядет под ракетку
И станет снова ворожить.

На сердце — давняя тревога,
И карты подтвердят о том,
Что сына дальняя дорога
Опять ведет в казенный дом.

Заноют старенькие кости,
Глаза замутятся от слез:
«А говорил, что скоро в гости?
А обещался на покос?»

Эх, хороша трава в овраге,
Теперь от думок не засну.
Пойду-ка дедовы рубахи
Пока на речке сполосну».

Валек попробует руками,
Вздыхнет, что стал тяжеловат,
И ну лупить замшелый камень,
Как будто камень виноват.

Всю-то жизнь,
Всю жизнь по доброй воле
Нянчить от луны и до луны
То снопы в полынном знойном поле,
То в угарной хате чугуны!

Где брала ты мужество и силу,
Из каких душевных родников?
Прежде — нас ты на руках носила,
Нынче носишь — наших сопляков.

Всю-то жизнь
Бедуешь, нянчишь, носишь,
Мечешься с рассвета и до звезд,
Чтоб тебя когда-нибудь под осень
На руках снесли бы на погост.

Боже мой, а если бы спросили:
У каких калиток и дверей
Мы при жизни на руках носили
Наших горемычных матерей?

Вернусь из странствий в сентябре
В свой край туманно-синий,
Остановлюсь на пустыре,
Нарву пучок полыни.

Начну сбивать седую пыль
С ботинок узконосых.
А чтобы ветер не знобил,
Достану папиросу.

Я погляжу на ближний лес,
Вздохну светло и глухо.
«Видать, наводит Ванька блеск?» —
Подумает сеструха.

А я-то пыль чужих дорог
Старательно сметаю,
Ступив с волнением на порог
Отеческого края.

Снежный ветер ударялся в пляску,
Голосила вьюга за селом.
Бабушка рассказывала сказку
Про колдунью с длинным помелом.

Сыпала мудреные словечки,
Седенькой мотала головой.
А в трубе над закопченной печкой
Завывал сердито домовой.

Я сжимался в ужасе от страха
В маленький упругистый комок.
Трепыхалось сердце под рубахой,
Словно сетью пойманный щурок.

С той поры немало прошумело
Над родимой деревушкой вьюг,
А порою пробежит по телу
Беспричинный трепет и испуг.

Что скрывать — печальная развязка:
Бабушка давным-давно в земле,
А за нею ускакала сказка
От меня на длинном помеле.

Говорят, моя бабуся
Колдовала по ночам.
Кто не верит, побожуся:
Сам нередко замечал.

Право слово, ворожила
На огне и на воде.
Даже с ведьмами дружила
В лопухах и лебеде.

Бабка бога разумела,
С чертом в стоворе была.
Очень многое умела,
Очень многое могла.

Все могла: и жать, и жарить,
И недужить, и лечить.
И могла навечно спарить,
И навеки разлучить.

Бабка знала заговоры,
Может, сорок, может, сто:
От измены, от позора,
От бессонницы простой.

Это правда, это правда,
Что любила, да тайком,
Пошептаться с доброй травкой,
Корешком или цветком.

Это было, это было,
И досталось даже мне:
И меня приворотила
Бабка к отчей стороне.

Теперь у нас в Гудиловке
Сугробы выше крыш,
И ты на той развилке,
Печальная, стоишь.

Теперь у нас над Снежедью
Метель, метель, метель,
И, вспоминая прежнее,
Надрывно стонет ель.

Теперь у нас на Мценщине
Снега, снега, снега,
И маленькая женщина
До боли дорога.

Теперь у нас в Орловии
Мороз, мороз, мороз,
И я сдвигаю брови
И не скрываю слез.

Теперь у нас в России
Зима, зима, зима,
И я от ностальгии
Во сне схожу с ума.

Вновь в душе сумятица
Прожитого дня.
Мама, мамка, матица,
Успокой меня.

Дай мне разумения,
Мужества и сил,
А еще терпения,
Чтобы гордо жил.

Ты в далеком детстве,
В самый горький час
От невзгод и бедствий
Укрывала нас.

Ты всегда казалась
Самой сильной мне:
Вся изба держалась
На твоей спине.

Нерушима крыша,
Прочен потолок.
Все прямей и выше
Голубой дымок.

Отойдет сумятица
В дедовской избе.
Мама, мамка, матица,
Кланяюсь тебе.

Отстал от стаи журавленок,
Присел на Бежином лугу
Среди кустов его зеленых,
Столпившихся на берегу.

Я головой ему киваю,
А он не хочет улетать.
Видать, он сам покинул стаю,
Своих товарищей и мать.

Печально крыльями качая,
Трубили в небе журавли
И, журавленка окликаая,
Никак дозваться не могли.

Ах, несмышленный, несмышленный,
Не миновать тебе беды.
А он стоит, замороженный,
У голубеющей воды.

Ну, что же, дорогой, ну, что же,
Рискуй во имя красоты.
Я сам с чудачествами тоже,
Я сам дурашливый, как ты.

Может, был неправ когда-то,
Может, в чем-то грешен был,
Может, слишком грубовато
И запальчиво любил.

Не шумела, не грубила,
Не показывала власть,
Только руки вдруг умыла
И другому отдалась.

На кого бы опереться,
У кого бы зла занять,
Чтобы вытолкнуть из сердца,
Чтоб из памяти прогнать.

То клянущу ее за смуту,
Негодую и кипя,
То в тяжелую минуту
Утешаю сам себя:

Значит, был неправ когда-то,
Значит, в чем-то грешен был,
Значит, слишком грубовато
И запальчиво любил.

Ты помнишь девочку чернявую,
Зерно-бобовый институт?
Она пришла к тебе за славою,
А славу даром не дают.

Она корпела над бумагами,
Над пухлой грудой статей
С таким упорством и отвагою,
Что растеряла всех друзей.

Ей стало страшно в одиночестве
При мысли горестной одной,
Что где-то радости и почести
Ее обходят стороной.

Ей вспоминался лес березовый,
Над тихой Снежедью дубы,
И наворачивались слезы
Крупнее, чем твои бобы.

И потому с печальной миною,
С усмешкой горькой на губах
Она легко тебя покинула,
Чтоб не остаться на бобах.

Прости ту девочку чернявую,
Зерно-бобовый институт:
Она пришла к тебе за славою,
А славу даром не дают.

Слишком рано,
Слишком рано
Начинали мы любить.
Заживали тяжко раны
От ребяческих обид.

Слишком долго,
Слишком долго
Мы залечивали их,
На Алтае и на Волге
Растеряв девчат своих.

Слишком строго,
Слишком строго
Осуждали мы подруг.
Только все пути-дороги
Позамкнулись в прежний круг.

Слишком поздно,
Слишком поздно
Я пишу о том стихи:
Ссоры были несерьезны,
Несущественны грехи.

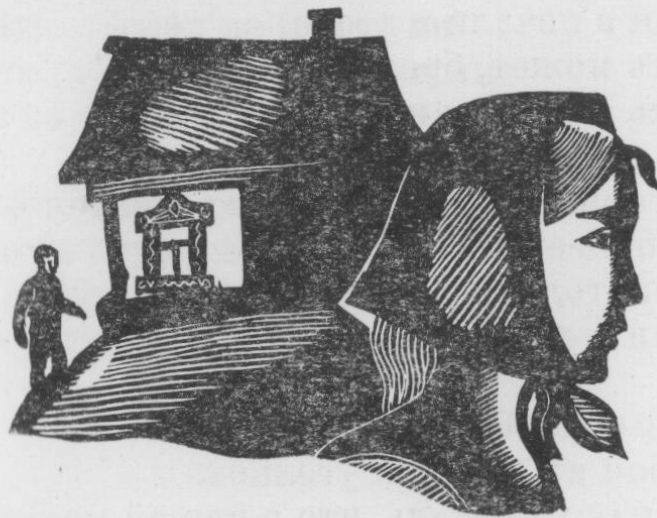
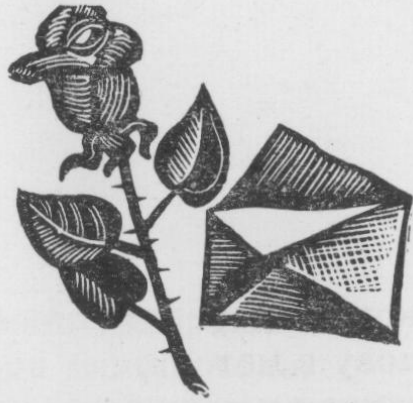
Споры лишни,
Споры лишни,
То, что было, не забыть:
За других подруги вышли,
Чтобы нас всю жизнь любить.

*Целый вечер у меня в соседстве
Милые болтает пустяки
Сверстница, из-за которой в детстве
Написал я первые стихи.*

*— Я искала парня с головою,
А попался вовсе не орел.
Убежала б я теперь с тобою,
Да сынишка держит за подол.*

*Волосы приподняли кепчонку
На моей дубовой голове:
Вспомнил я далекую девчонку —
Ласточку в весенней синеве.*

*Неужели это ты в соседстве
Вот сейчас болтаешь пустяки,
Девочка, из-за которой в детстве
Написал я первые стихи?*

Махнув рукою на деревню,
Закутав голову в метель,
Умчалась глупая царевна
Почти за тридевять земель.

А я сижу, забыв упреки,
Один в печали и тоске:
Быть может, бродит без дороги?
Быть может, жизнь на волоске?

Быть может, где-то просит жалобно,
Чтоб я ее от смерти спас.
Лишь только серый волк, пожалуй,
Меня бы выручил сейчас.

Я обыскал бы все окрестности,
Любой из дальних уголков.
Ах, как мне жаль, что в нашей местности
Перестреляли всех волков!

Шумела осень над ракетами,
Над грязной улицей села.
Моя любовь, плащом прикрытая,
На позднее свиданье шла.

Ей вслед бросали взгляды липкие,
Косились вслед из-под руки.
Стреляли пошлыми улыбками
В нее из окон остряки.

Ничто ей было не опасно,
Ничто не страшно было ей:
И от дождя она не гасла,
И грязь не прилипала к ней.

Вдвоем с черноглазой подругой,
С бедовой девчонкой вдвоем
Бредем мы по Бежину лугу,
Все дальше и дальше бредем.

Не знаю, всерьез или в шутку,
А только сказала она:
— Мне что-то становится жутко,
Такая кругом тишина.

В глаза мои глянув тревожно,
Вздохнула она глубоко.
В тот миг я почувствовал тоже,
Что слишком зашли далеко.

Ах, если, отбросив робость,
Пойдет она дальше со мной,
То станет соседняя область
Намного бедней красотой.

Я заверил грустную подругу,
Что люблю давно и горячо.
Ну, а сам заботливую руку
Положил ей робко на плечо.

Я гляжу: от этакой нагрузки,
От моих чувствительных речей
Сердце трепыхается под блузкой,
Словно залетевший воробей.

Видно, с птахой невозможно сладить,
Потому и расходилась грудь.
Так хотелось воробья погладить! —
Побоялся, как бы не спугнуть.

Случайно юную русалку
Я встретил в Бежином лугу.
Она стояла в полдень жаркий
На том высоком берегу.

Она звала, она манила,
Она меня к себе влекла
С такой земной и грешной силой,
Что робость за душу взяла.

Я, озорной и норовистый,
Впервые испугался тут,
Что Снежедь слишком омутиста,
А берег недоступно крут.

Как дым растаяла русалка
На том высоком берегу,
А я, растерянный и жалкий,
Один остался на лугу.

На старой полтевской дороге
Мы расставались два часа.
Непримиримые, как боги,
Мы правду резали в глаза.

Я уходил от поединка,
А на ветру в ее руках
Металась белая косынка,
Как запоздалый белый флаг.

Я стоял, немой и недвижимый,
У села родного на краю.
Свадебная буйная машина
Увозила сверстницу мою.

Я глазами за борта хватался,
Только слышал пьяный смех в ответ.
Навсегда в моей душе остался
Рубчатый от шины след.

Бывало, из Тулы и Мценска,
Из дальних и ближних сел
Звонил я девчонке чернской
И споры горячие вел.

Вздыхая все глуше и глуше,
Признался нечаянно я:
— Послушай, родная, послушай,
Как сердце стучит у меня.

— Я это от многих слыхала, —
Спокойно сказала она.
И в трубке моей зазвучала
Отчаянная тишина.

Я снова хотел объясниться,
Напомнить про чувство свое,
Да так и не смог дозвониться
До сердца глухого ее.

Я в глаза заглядывал ей часто,
Я ей душу выливал до дна.
А она все так же безучастна,
Так же неприступно холодна.

Видно, даром обиваю ноги,
Невзирая на жару и дождь.
Видно, к ней ни по какой дороге
Не подъедешь и не подойдешь.

Делал всевозможные попытки,
Перебрал все тропки и пути.
Только в сердце не открыл калитку,
Только в сердце не сумел войти.

Никогда мне не было так горько,
Только все обиды ни к чему.
Значит, кто-то преданно и зорко
Охраняет подступы к нему.

В лицо мне хлестали
Дожди и метели,
А я все ходил
Без надежды и цели.

Лохматые тучи
Над Снежедью висли,
А в голову лезли
Дурацкие мысли.

Пожалуйста, ветер,
Без лишнего шума.
Я сам обо всем,
Обо всем передумал.

Про все расспросили,
Про все рассказали
Бессонные ночи
На чернском вокзале.

Мне так хотелось в этот вечер
У тех развесистых дубов
Обнять за худенькие плечи
Свою давнишнюю любовь.

Она стояла долго рядом,
Переминалась и ждала
И, вдруг обдав холодным взглядом,
Заторопилась вдоль села.

А я остался под дубами
Один над Снежедью-рекой:
Недотянувшийся губами,
Неприкоснувшийся рукой.

Ой ты, Зуша, красавица Зуша,
Я давно в твои волны влюблен.
Я всегда открывал тебе душу
И отвечивал низкий поклон.

А теперь подхожу неуверенно
И тревогой душа полна:
Убегает к другому берегу
Мною вспугнутая волна.

Неужели назад не вернется?
Неужели сама не поймет,
Что она вот сейчас разобьется
О заманчивый берег тот?

Ой ты, Зуша, красавица Зуша,
Ты за дерзость меня прости:
Я в беде никогда не струшу,
Если надо любовь спасти.

Знай головушку удалую:
Все равно, хоть пойду ко дну,
Догоню, обниму, поцелую
Голубую твою волну.

Кто-то утверждает на гармошке,
Что в саду над быстрою рекой
Заросли знакомые дорожки
Навсегда травой-муравой.

Я иду, чтобы в правде убедиться,
И от счастья не скрываю слез:
Здесь все так же юность веселится
В обществе черемух и берез.

Так же бродят пары до рассвета
По моим тропинкам дорогим,
И плурует ветерок меж веток,
Подымая лепестковый дым.

Я на зло рыдающей гармошке
Покачаю гордо головой:
Никогда не зарастут дорожки
В том саду травой-муравой.

Природа, ты моя больница
И лучший санаторий мой.
Я прихожу к тебе лечиться
Весною, летом и зимой.

Всегда приветливо и нежно
Меня встречает у костра
Березка в форме белоснежной,
Как медицинская сестра.

В конце весны, в начале лета,
В погожий день, в ненастный день
Цветет сирень в усадьбе Фета,
Цветет в Козюлькино сирень.

Сюда, отчаянный и сирый,
С кругами синими у глаз,
Пришел герой «Войны и мира»
За исцеленьем в тяжкий час.

Он шел сиреновой аллеей,
Вдыхал сиреневый настой:
И становилась жизнь светлее,
Такой понятной и простой.

Когда бывает тяжело мне,
Когда на сердце ляжет тень,
Я говорю: живи и помни —
Цветет в Козюлькино сирень!

Где тот дремучий травостой
Лихой поры военной? —
Такой высокий и густой:
Взмахнешь — вязанка сена.

Была та буйная трава
Загадочной немножко:
Темнели тайной острова
Мышиного горошка.

Я замирал за два шага,
Робея и немея
Перед метелкой овсюга
И пикою пырея.

Кивал головкой там и тут
Пахучий белый клевер.
Над ним стоял пчелиный гуд,
Тревожен и напевен.

Трава отчаянно цвела,
По-бабьи жировала.
Земля хозяина ждала,
Ждала и горевала.

Земле хотелось щедрой быть,
Земля звала хозяина.
Вот здесь учился я косить
И жить и думать заново.

Реченька Наречелька
Есть в родном краю.
Здесь сложил я первую
Песенку свою.

Реченька Нареченька —
Ключевая синь
В шелесте березок,
В трепете осин.

Реченька Нареченька,
Я пришел опять,
Чтобы поклониться
И — поцеловать.

Самое хорошее
Нарекалось здесь.
Я в тебе, как в зеркале,
Отражаюсь весь.

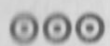

Я шел росистою дорожкой,
Глядел рассеянно в ручей,
И вдруг серебряный горошек
В кустах рассыпал соловей.

От неожиданности сердце
Затрепетало, словно лист.
А он — коленце да коленце,
Да перещелк, да пересвист.

А он, закатывая глазки,
Назло печали и беде,
Неподражаемо, как в сказке,
Играл на лешевой дуде.

И я старался осторожно
Сырые ветки развести,
Чтоб отыскать в траве горошину
И, словно чудо, унести.

У соловьиного откоса,
У магистрального моста
Шумит российская береза —
Стройна, кудрява и чиста.

Она пленяет белизною,
У ней девическая стать.
И липы белятся весной,
Чтоб на нее похожей стать.

Нежною прохладою зари
В тишине повеяло от Зуши.
Хорошо трудились косари,
Пчелы поработали не хуже.

Если б мне поверить не могли,
Я дошел бы до большого спора,
Что они сегодня превзошли
Областной рекорд по медосбору.

Все лето небо с треском рвется,
Все лето мучают дожди.
Сквозь тучи солнце улыбнется,
И вновь полмесяца не жди.

Погода гнулась и ломалась,
Вовсю валяла дурака.
А солнце к людям пробивалось,
Расталкивая облака.

Земля потрескалась без снега,
Без снега ей несдобровать.
— Тут, право слово, не до смеха, —
Печально жалуется мать.

Она вздыхает огорченно,
Поспешно выключая свет:
— Два дня уж каркает ворона,
А снега нет, а снега нет.

Ах, мама, милая знахарка,
Зачем расстраивать себя?
Я сам бы, кажется, закаркал,
Когда утешил бы тебя.

А утром встану — слава богу:
Январь, предчувствуя беду,
Снежком укутывает ноги
Продрогшим яблоням в саду.

Позамело следы и тропы
У кромки полосы лесной.
Лениво плещутся сугробы,
Горя на солнце белизной.

Пришли метели и морозы
На смену желтому листу.
Лишь только белые березы
Стоят бессменно на посту.

Прогудели над лесом вьюги,
Прошумел молодой снегопад.
Все деревья уснули в округе,
Только елочки снова не спят.

Через царство снегов и метелей,
Через царство лесной тишины
Гордо шествуют юные ели —
Делегаты зеленой весны.

Увидав их, испуганно замер
Полусонный зайчишка-русак:
Поморгал удивленно глазами
И запрыгал от счастья чудак.

Над головой ни звезд, ни месяца,
Кругом сплошная кутерьма.
В овраге белою медведицей
Ворочалась зима.

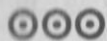
А я шагал без звезд, без месяца
Через овраг, через лесок.
И следом белая медведица
Брела за мной на огонек.

Затерялся маленький в глубинке
И журчит бессонно под горой,
А к нему сбегаются тропинки
Раннею и позднею порой.

Соберутся и судачат вместе
У его замшелого плетня:
Слушают последние известия,
Новости сегодняшнего дня.

Раннею и позднею порою
Радостно и горестно от них,
Потому что говорит с землею
По прямому проводу родник.

Его ждала вдали удача
И полноводная река,
А он, стремительно горячий,
Рванулся в поле с большака.

А он по грядкам и канавам
Бежал, волнуясь и кипя,
И раздавал хлебам и травам
По капле самого себя.

Я пойду ромашковой дорожкой
В тишину лужаек и полян,
Где живет в бревенчатой сторожке
Добрый и лукавый старикан.

Он печально встретит у порога,
Скорбно сложит руки на груди
И прикрикнет безобидно-строго:
— Заходи, пропащий, заходи!

Сколько лет не сиживал с тобою:
Где бродяжил? — честно отвечай.
Будет пахнуть водка зверобоем
И душицей с земляничкой чай.

Все представлю явственно и зримо,
Расскажу про жизнь и про людей.
— Боже мой, да ты неисправимый
И чудной, как дуб без желудей.

Я и сам кукую в одиночку
И блуждаю по лесу до звезд.
Собираюсь — вот приедет дочка —
Забежать к старухе на погост.

Обниму до хруста седоглавого:
— Будь здоров! Живи не унывай
И свою зеленую державу
Никому в обиду не давай.

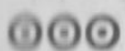
Я березку дерну за сережку,
Почешу за ухом у дубка
И светло-потопаю дорожкой
В детство от избушки лесника.

Видно, я у них в опале —
Настоящая беда:
— Вы куда, грибы, пропали
И попрятались куда?

Потоптался виновато
И увидел вдалеке:
Взобрались на пень опять,
Заприметив нож в руке.

Я не жадный, я не падкий,
У меня душа чиста.
А грибы глядят украдкой
Из-за каждого куста.

И узрел его еще мальчишкой
Под березой, на высоком пне,
Потому сторожевою вышкой
Показался муравейник мне.

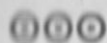
Разрослась, раскинулась береза,
Разметала ветви до земли.
Только от ветров и от мороза
По коре морщины залегли.

Старая, а все же хорошеет,
Лишь береста кажется в крови.
По морщинам, словно по траншеям,
Носятся цепочкой муравьи.

Видно, любят рыжие такую,
Видно, им береза дорога,
Потому они и атакуют
Всякого коварного врага.

Вот один
Схватил загнивший прутик,
А вот этот, поборовший жуть,
Вросился под гусеницу грудью
И к березе преградил ей путь.

Муравей — он тоже не без риска
Защищает, строит и творит.
Как звезда на скромном обелиске,
На вершинке ягода горит.

И вновь задумаюсь в печали,
И снова вспыхнет интерес:
Ну, почему тебя назвали:
Горелый лес, Горелый лес?

Никто не видел и не слышал,
Чтоб ты когда-нибудь горел.
А может быть, горел да выжил,
Да всем на радость уцелел.

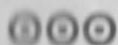
Подаром светлый и зелёный
Шумишь ты трепетной листвой
Над сизой пригородной зоной,
Над зарастающей Медной.

Такой изведанный и дикий,
Ты завлекал не раз меня
Своей душистой земляникой
Или опятами у пня.

Спасибо, друг, за вдохновенье,
За красногрудую зарю,
За тихий шум, за птичье пенье,
За лыжный след по январю...

И вновь задумаюсь в печали,
И снова вспыхнет интерес:
Ах, почему тебя прозвали —
Горелый лес, Горелый лес?

Знакомых дорог перекрестки,
Заливистый звон бубенца.
Верезки, березки, березки —
От Кислино до Студенца.

Пойду по лесам спозаранку,
Увижу в рассветную рань
Верещино и Берестянку,
Верезовку и Березань.

И стану на старом кургане —
Стою и гляжу не дыша:
От этих берез и названий
Невольно светлеет душа.

Почудятся вновь перекрестки
И свадебный звон бубенца —
И кружатся в танце березки
От Кислино до Студенца.

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Озорной листопад.

Листья весело кружатся
У людей на виду,
Оседая на лужицы,
На дорожки в саду.

Небо дышит прохладой,
Дождь стучит по плащу.
Ни на что не досадою,
Лишь украдкой грущу.

Где ты, вешняя звончатость,
Переливчатый смех?
Вот и молодость кончилась,
Скоро выпадет снег.

Скоро все запорошится:
И кусты, и трава,
И сырые дорожки,
И моя голова.

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Оворной листопад.

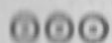

Порою грусть возьмет за душу,
Тоска навалится порой.
Я ухожу послушать Зушу
Под Карауловой Горой.

А Зуша, вечно молодая,
Спешит за тридевять земель,
Себе дорогу пробивая
Через туман, через метель.

Печально развожу руками,
А Зуша, преданность храня,
Смывает камешки и камни,
Что были брошены в меня.

Любое горе смоем Зуша
Своей волною голубой,
И снова ударяет в душу
Невыразимых чувств прибой.

И вышел рано в путь-дорогу
Под солнцем ласкового дня,
И тень шагала долго в ногу,
Не отрываясь от меня.

И шел и шел своей тропой,
И становилось все ясней:
Чем выше солнце надо мною,
Тем тень короче и черней.

Горячей радостью наполнен,
И мудрость жизни познаю,
А сам шагаю в знойный полдень
И подминаю тень свою.

*У меня над самой головою
Репродуктор маленький висит.
Я ловлю известие любое,
Всякое событие и визит.*

*Маленький дежурный неустанно
Обо всем докладывает мне:
Что гроза сгустилась над Гаваной,
Что Вьетнам в напалмовом огне.*

*Не стихают яростные споры,
Не смолкает беспощадный бой.
Шар земной, как яблоко раздора,
У меня висит над головой.*

Снова гибнут люди где-то,
Снова кровь и слезы льют.
Только я представлю это,
Дыбом волосы встают.

Ясно вижу муки плена,
Слышу горький плач детей.
Каждый волос, как антенна,
Ловит боль и скорбь людей.

Унорию не забываются,
 Все вспоминаются мне
 Дороги эвакуаций,
 Ведущие по войне.

Тинило полынью горькой,
 Палило огнем лучей.
 Несла меня мать на закорках
 И узелок на плече.

Брела в поводке корова
 И ревом сводила с ума.
 В запасе — ни хлеба, ни крова,
 В запасе — лихая зима.

Мне никуда не деться,
 От памяти не убежать:
 По этим дорогам из детства
 Меня уносила мать...

Плелась в глухую ночь лошадка
Через снега, через войну.
А волки праздновали святки,
Протяжно выли на луну.

Кобылка прядала ушами
И споро прибавляла шаг.
Мы слушали и не дышали,
Едва преодолая страх.

Сестра закутывалась в тряпки,
А я сжимал сильнее кнут,
Но заклинала богом бабка,
Что это барышни поют.

Где-то рядом громыхали пушки,
За снарядом завывал снаряд.
Мы бежали в лес из деревушки,
Повабыв про кошку и котят.

Было жутко и тревожно очень,
Муторно и горько на душе.
И очнулся средь июльской ночи
В маленьком дырявом шалаше.

Слышу, задыхаясь от волненья,
Трется Мурка около меня:
— Принимай, хозяин, пополнение —
Вывела сейчас из-под огня...

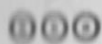

Дороги днем и ночью
Под танками пылят.
Скирды не обмолочены,
Заброшены в полях.

У бабки сердце колет,
У старой жар-озноб.
Пойду я в чисто поле,
Возьму пшеничный сноп.

Рука моя проворна,
Сноровиста рука.
Упруго брызжут зерна
На шаль из-под валька.

А я сильнее шпарю,
А я азартней бью:
Ведь завтра бабка сварит
Отменную кутю!

Повисла хмарь над лугом,
Над мокрым лозняком.
А бабы друг за другом —
С косами босиком.

И вроде с виду хлипкий,
А ва ребро — ребро.
Косится мать с улыбкой:
— Добро, сынок, добро!

Подлаживаю ногу,
Косою вжик да вжик.
— Не велика подмога,
А как-никак — мужик.

А все-таки хозяин
И голова — в дому! —
И добрыми глазами
Глядит на мир в дыму.

Совсем чужая бабка,
Копаясь у плетня,
Заржавленной тяпкой
Взмахнула на меня:

— Ты что, родимец, блудишь?
Ах, дурья голова:
Ведь сказывают люди,
Что мать-то чуть жива.

Пристыженный и робкий,
Я мчался, худ и бос,
И в спичечной коробке
Щепотку соли нес.

А соль тех дней военных,
А соль тех горьких дней
Была дороже ценных
И золотых вещей.

С тех пор родной до боли
Та бабушка стала мне:
Одной щепотки соли
Достаточно вполне...

Под старую ракистой
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он на работу звал.

Его дрожащий голос,
Взволнованно звеня,
Невольно дыбил волос,
Бросал в озноб меня.

Он был для всех как совесть
В суровые года:
Запел — большая новость,
А задрожал — беда.

На звон его горластый,
На этот властный зов
Спешили бабы часто,
Не подоив коров.

Вот так, наверно, били
Деды в колокола,
Когда пожары были,
Когда война была.

Пускйй не тем набатом
Плужной отвал трубил,
Он был их кровным братом,
Их младшим братом был.

Под старою ракитой
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он всех на подвиг звал.

Я узнаю его по форме,
Я узнаю его в лицо —
Вот с этой прядкой непокорной,
Что завивается в кольцо.

Я помню: весь заиндевелый,
В густом морозном серебре,
Он появился в форме белой
Декабрьским утром во дворе.

ЗаиндеVELO-белый лыжник
Ступал по снегу тяжело.
И мал и стар навстречу вышли
И проводили за село.

Кто знал, что у тропы прибрежной
Его засада стерегла?
Теперь стоит он, белоснежный,
На главной улице села.

В глазах ни боли, ни печали —
Суровый взгляд, тревожный взгляд.
Стоит солдат на пьедестале
И не снимает маскхалат.

Дома от боли охали,
 Как люди на войне.
 Враги падали в Гоголя,
 Толстого жгли в огне.

Надев стальные каски,
 Винтовку взяв с собой,
 За Русь вступались классики
 И принимали бой.

В одной большой лавине*
 Они в атаку шли.
 Их танками давили
 И пулями секли.

Им отрывало руки
 Осколками брони.
 А им плевать на муки —
 Бессмертные они!

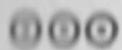
Взглянув на мир сурово,
 Смахнув святую кровь,
 Они вставали снова
 И шли в атаку вновь.

Бесстрашные такие
Ломились напролом
Под Харьковом и Киевом,
Под Курском и Орлом.

Хранили беспримерно
В пороховом дыму
Классическую верность
Народу своему.

Победу шумно празднуя,
Пришли они домой,
Хорошие и разные,
С завидною судьбой.

Стальные сбросив каски,
Пробитые в бою,
На полки стали классики
В порядковом строю.

Прошел родитель пол-Европы,
Любил родитель вспоминать
Дороги, реки и окопы,
Что приходилось с боем брать.

И обнимал его, робея,
А он смеялся: «Пощади!»
Скрипела грозно португезя,
Медаль горела на груди.

И видел, что отец прекрасен,
Что он силен и знаменит,
Что он дорогой подпоясан
И весь дорогами обвит.

Мне представляется картина
Далекой памятной весны:
Мальчишка посреди Берлина
В дыму и копоти войны.

Чужой бездомный человечек
Рыдал без голоса и слез.
Боец взмахнул его на плечи
И гордо улицей понес.

По главной площади гремели
Его большие сапоги.
Враги глядели — и не смели
В солдата выстрелить враги.

Мальчишка, затаив дыхание,
Смотрел на дядьку в сапогах,
Что поднял новую Германию
Бесстрашно на своих плечах.

У ограды чутко и устало
 Старый клен ушами шевелит.
 В городок торопится с вокзала
 После операций инвалид.

Столковавшись по родному дому,
 По своим детишкам и жене,
 Он спешит по улице знакомой,
 Невабыв о ранах и войне.

Только по рябому тротуару
 Гневно ударяют костыли.
 И уверен, что его удары
 Слышат по ту сторону земли.

Слышен треск на всю округу,
Шум на всю околицу.
Льдины бьются друг о друга,
Друг о дружку колются.

Трутся льдины, трутся льдины
В голубое крошево.
Мост в испуге выгнул спину,
Словно кот взъерошенный.

Затаив в душе тревогу,
Матросня отважная
Снаряжает в путь-дорогу
Лодочки бумажные.

Уплывало наше горе,
Наше детство сирое
Прямо в море, прямо в море,
Прямо в море синее.

Далеко ушла война,
Укатили пушки.
Наб попутал сатана
На лихой пирушке.

Ни дороги, ни следа,
Зимно и безлунно.
Рвет ветряка провода,
Словно ухарь струны.

Подгулявшие в гостях,
Приснут молодайки:
— Во наяривает, враг,
Как на балалайке!

В хате пляска, в хате гром,
Встречно-поперечно:
Ходит пол ходуном,
Вадрагивает печка.

— Не жалей каблуки —
Новые закажем.
Вот вернутся мужики,
Мы не так спляшем!

Мы рано детство потеряли
В чужой и дальней стороне.
В одной упряжке с матерями
Мы воз тянули по войне.

Нет, воз тот был не символический,
А самый грешный и земной,
Забитый тряпками обычными
И прочей кладью избяной.

То был не воз, а просто тачка
На двух помятых колесах.
И мать, мужичка и гордячка,
И то скисала на глазах.

— А им-то легче, им-то легче? —
Я грустно в сторону глядел,
Где на родной орловской речке,
Не затихая, бой гремел.

— Ну, хорошо: давай немного,
Еще немножко поднажмем! —
И мы, подлаживая ногу,
Тащили тачку на подъем.

Я до сих пор все это вижу! —
Не вспоминать бы век о том,
Да за спиной порой услышу:
Мол, воз-то явно не по нем.

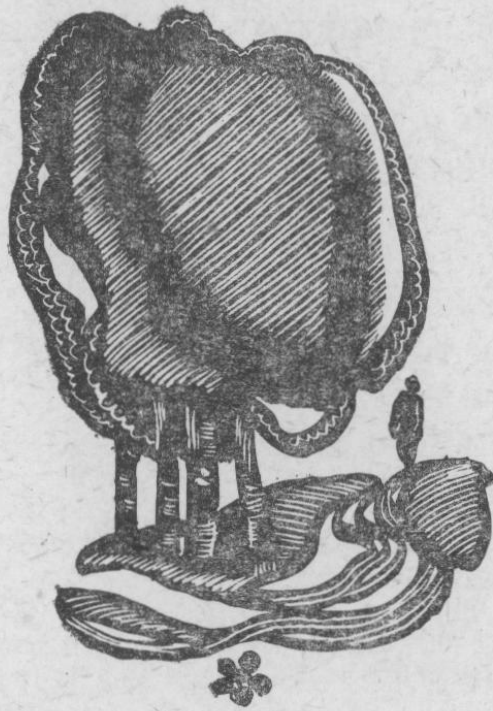
Прости меня, судья мой строгий,
Что по-мальчишески веду,
Я до сих пор по той дороге,
По той распутице бреду.

В одной упряжке с матерями
Мы где-то там еще бредем.
Мы рано детство потеряли,
А взрослость —
Вряд ли обретём!

*По-прежнему тянет и тянет,
На родину тянет меня,
Где зорькой пичуги горланят,
Толплятся опята у пня.*

*Пройтись бы лесной дорожкой,
Ушедшую юность позвать,
Березкам на гармошке
Цыганочку сыграть.*

*Окликнуть с поляны кукушку,
Послать задумчивый привет
И просто нарвать на опушке
Веселый и пестрый букет.*

В уголке под лавкою
В старенькой квашне
Квас ходил булавками,
В нос шибая мне.

Даже с медовухою
Не сравнить его.
Крякаю и ухаю
И дивлюсь:
— Ого!

Видно, позабыли
Давний тот секрет:
Квасу в изобилии,
А хмельного — нет.

Я поеду к деду
Разогнать тоску.
Может быть, отведаю
Прежнего кваску.

Помню: дед, худ и сед,
Зашумит с полатей:
— Дай-ка, мать, саламать,
Саламаты!

Дай-ка, мать, саламать,
Чтоб выиграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать,
Чтобы жить красиво!

Хлебный дух, русский дух
Плыл по хате
От парной, заварной
Саламаты.

Деда нет, бабки нет —
Горькая утрата,
Да хранится секрет
Саламаты.

Попрошу родную мать,
Вспомнив детство:
— Дай-ка, мать, саламать —
Дедовское средство.

Дай мне, мать, саламать,
Чтоб выиграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать,
Чтобы жить красиво!

Приеду — разобью палатку
В своем заброшенном саду.
Засну мечтательно и сладко,
Как на семнадцатом году.

А утром ветер встрепенется,
Босой промчится по траве,
И с ветки яблоко сорвется
И угодит по голове.

Меня невольно опечалит,
Что я тут вроде чужака:
Татарник колет, пчелы жалят,
Крапива жжет исподтишка.

Ну, кто их на меня наводит?
Ну, кто натравливает их?
Не домовый ли рядом ходит
Вот в этих зарослях густых?

Я грустным взглядом сад охину
И вдруг сквозь сетку купырей
Увижу дедовы морщины
У старых яблонь на коре.

Тогда, как бор сосновый,
Стояла конопля,
И нитками суровыми
Сшивала быт семья.

Из этих ниток пряжи
Соткут зимой холсты.
А из холста — рубахи,
А из холста — порты.

Никто не мог ославить
Или захлопнуть дверь...
Теперь смешно представить,
Не верится теперь,

Что в той одежде бедной,
Суровой и простой,
Форсили наши деды
И даже Лев Толстой.

Амчанина тебе во двор.

Старинная поговорка

Славился в округе
Давний предок мой
Бесшабашной руганью,
Удалью лихой.

Был неотразимо
Ловок и хитер.
Подводила сила —
Выручал топор.

Был он вороватый,
Близко не клади.
Жили цыганята
У него в груди.

Не сули амчанина
Никому вовек.
Предок был отчаянный,
Грешный человек.

Многого не требовал:
Шил, точал, ковал
И насущным хлебом
Бойко торговал.

Был кацап кацапом,
Бражничать любил,
Часто бабу цапал,
Во хмелю лушил.

Проживала шалость
У него в роду.
И купца, случилось,
Тряс за бороду.

Не сули амчанина
Никому вовек.
Предок был отчаянный,
Храбрый человек.

В древнем шлеме конника
Стлался над землей.
Соловья-разбойника
Усмирял с Ильей.

Верою и правдою
Он служил Москве.
Где-то за Непрядвою
Всыпал татарве.

Ни кромским, ни чернским
Спуску не давал,
Если кто амченских
Срамно обзывал.

Я и сам отчаянный,
Лучше не трави,
Что-то от амчанина
У меня в крови.

У ней потрескались колеса,
Помяты временем бока.
Она вернулась из извоза,
Из векового далека.

Стоит телега недвижимо,
Во сне, как прежде, колеся.
А большаком бегут машины,
Недобро фарами кося.

Они сигналият ради смеха
И не скрывают спесь свою,
Забыв, что матушка-телега
Для них пробила колею.

Поле, как в былине, за рекой,
Только не посвистывал оратай,
Не скрипела сошка под рукой,
Под его рукою узловатой.

День оглох от шума скоростей,
От лихого рокота и гула.
Узнаю тебя по борозде,
Озорной гудиловский Микула.

Ты меня за шутку не ругай,
Ибо я души в тебе не чаю:
Люди величают Миколай,
Ну, а я Микулой величаю.

Не отнимешь — ладен и пригож!
Залюбуюсь иногда украдкой:
Шибко на Микулу ты похож
И лицом, и силою, и хваткой.

Я учил былину наизусть,
Ты прочел по-своему былину:
Бросил сошку за ракитов куст
И охотно пересел в кабину.

Сердце радо переменам
В стороне моей родной:
Снова травы по колено,
Ну, а в поле рожь — волной.

Занялись луга отавой.
Уберется жито в срок.
Бабье лето разметало
Паутину вдоль дорог.

Оседают паутина
У пригорков и холмов
И все больше — на жердины,
Что над крышами домов.

Откоптили черные избушки,
Никакой их бог не уберег.
Словно ветром сдуло деревушки
У глухих оврагов и дорог.

Не подумай, что порвались корни,
Опустели гнезда по весне.
Стало не пустыней, а просторней
И светлей в родимой стороне.

Снова сын с невесткой
Деда атакуют.
Снова очень веско
Старику толкуют:

— Главная усадьба,
Новая квартира.
Жить да поживать бы
На виду у мира.

Дед не хочет слушать,
Гневен и упорен:
— Значит, дом порушить
И порушить корень?

— Не мели, Емеля,
Корень корню — рознь:
Там земля — земелька,
Тут копни и брось!

Дед собрался с духом,
Режет правоту:
— Значит, брось старуху,
Словно сироту?

— Ты оставь в покое
Матушкины кости.
Соберемся трое —
Вспомним на погосте.

Дед рукою дряблой
Трет со злостью лоб:
— Ну, а сад? А яблонки?
Лучше сразу в гроб!

Вырыли антоновки,
Увезли с собою.
А в саду воронки,
Словно после боя.

Вот и вывели стропила,
Замостили потолок.
Солнце щедро окропило
Стены, окна и конек.

Заплутавшийся случайно
Позавидовал скворец.
Только тайна, только тайна,
Для кого такой дворец.

Может быть, дорожка к дому
Станет милой и родной
Холостому агроному
И медичке озорной.

Дом построен, дом построен,
Поглядишь — раскроешь рот.
Ну, а кто его достоин,
Пусть рассудит сам народ.

А пока большой и гладкий
Кот об угол трет бока,
Да залетные касатки
Вьются, вьются у конька.

За Старою Отрадой
Стоит высокий столб,
На тяжесть не досадуя,
Не кутаясь в сугроб.

Над ним метели тешатся,
Бураны бьют внахлест,
А он упрямо держится,
Не покидая пост.

Как богатырь былинный,
Идет он сквозь года,
Взвалив себе на спину
Тугие провода.

Было утро — яблоньки цвели,
А теперь, плодами тяжелея,
Кланяются ветви до земли:
— Люди, помогите поскорее!

Я с тревогой погляжу кругом:
Всюду ветки низко-низко гнутся.
Я готов их поддержать плечом,
Подождать, пока плоды нальются.

Зашевелились в кронах почки
От необычного тепла.
А по земле ударил ночью
Шальной мороз из-за угла.

Довольный варварским набегом,
Ноябрь замел его следы,
Запорошил дорожки снегом,
Как будто не было беды.

Тревожно, грустно и устало
Взглянуло солнце на поля:
Под белым саваном лежала
Безмолвно матушка-земля.

Над нею в скорби и печали,
Потупив виновато взор,
Деревья горестно снимали
Багряный головной убор.

Прости меня, багряный Васин,
Неистребимый Васин мой,
Что я срубил высокий ясень
Военной лютою зимой.

Мне ясень сам навстречу вышел,
Мне сам на плечи ясень лег.
Я потому, быть может, выжил,
Что он от стужи уберег.

Я благодарно помню это,
Всем сердцем помню и умом.
Я до сих пор живу согретый
Его дыханьем и теплом.

Моя душа давно окрепла,
Представ на новом рубеже.
Но сохранилась горстка пепла,
Что замурована в душе.

Убегает вдаль тропинка
Неизвестно от кого,
Журавинка, Журавинка —
Сказка детства моего.

В этой сказке на рассвете
Зябко вздрогнула земля:
Обронил попутный ветер
Молодого журавля.

Обагрилась кровью зорька,
А над зорькой той вдали
Долго-долго, горько-горько
Голосили журавли.

Помнишь, Нинка? Слышишь, Нинка,
Трубный голос журавлей
Над садами Журавинки
И над юностью моей?

Грустит у перекрестка,
Тревогу затая,
Заветная березка —
Землячка моя.

Она под знойным ветром,
Под проливным дождем
Горит зеленым светом,
Зеленым бьет огнем.

Отчаянный и робкий,
Всегда держу к ней путь,
Чтобы не сбиться с тропки,
С дороги не свернуть.

Грустит у перекрестка,
Зовет в родной простор
Заветная березка —
Зеленый семафор.

Обещала весной березка
Для меня одного зеленеть.
Да сентябрь задымил папироской,
Наряжая красавицу в медь.

Я с печальной грустью заметил,
Что опять закружилась листва,
Что березка бросала на ветер
Золотые такие слова,

Вновь напомнил прежнее,
Вновь меня зовет
В белый дом над Снежедью
Чернский поворот.

Здесь в соседстве с ивами,
На краю села,
Самая красивая
Девушка жила.

Отцвели под ветрами
Липы у моста.
Самая заветная
Не сбылась мечта.

Я в глазах покорных
Память берегу
О цветах, не сорванных
В Бежином лугу.

Я хотел бы снова
В юность завернуть —
Словно зачарованный,
Продолжаю путь.

Время прошумело,
Пронеслось вперед.
Только сердце сделало
Левый поворот.

Я вернусь домой не скоро,
Может статься, в сентябре.
Завлекла меня Мещера
На далекой речке Пре.

Я плыву рассветной ранью
В шумном шелесте берез:
То отчаянно табаню,
То кричу ребятам: СОС!

Я не хуже, чем варяги,
И плыву и волоку,
Через мели и коряги
Пробиваясь на Оку.

Я встречаю повороты,
Лихо веслами гребя,
И мещерские красоты
Величаю про себя.

Разволнован и рассеян,
Я смотрю на Пру в тоске:
Тут барахтался Есенин
И валялся на песке.

Эти мели, эти косы,
А над берегом крутым
Белоногие березы,
Что воспеты нежно им.

То несмело, то отважно
Я гляжусь в речную гладь
И почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

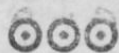
Ни в Солотче, ни в Криуше —
Я нигде не встретил той,
Что ему запала в душу,
Покорила красотой.

Только я уверен, право,
Что была голуба та:
Не девчонка — смерть-отрава,
Боль его и маета.

Он с улыбкой и слезами
Будет помнить в стынь и звень
Любу с дивными косами
И глазами — голубень.

Забулдыжистый и шалый,
Он, как совесть, пронесет
Через славу и скандалы
Затаенный образ тот.

Пронесет сквозь все печали,
Через вымысел любой.
А девчонку эту звали
Просто-напросто Любовь.

Может, это явная ошибка,
Может, просто показалось мне:
Промелькнула золотая рыбка,
Огневая рыбка в глубине.

Я ее заманивал пшеничкой,
Завлекал ее на червячка.
Только эта рыбка-невеличка
Быстро раскусила простачка.

Бог с тобою, золотая рыбка,
Так и быть, живи себе, живи.
Ты, как лучезарная улыбка,
Мне нужна для песни и любви.

Пережил я много, между прочим,
Только это, право, не беда,
Что потратил даром дни и ночи,
Что потратил целые года.

Может, это явная ошибка,
Все равно мне очень важно знать:
Существует золотая рыбка,
И ее обязан я поймать!

Открываю горестную правду,
Словно сердце открываю всем:
Сколько писем было не отправлено,
Сколько не написано совсем!

Сколько их, печальных и веселых,
Ласковых, отчаянных и злых,
Не дождались в городах и селах,
А, быть может, очень ждали их.

И, пожалуй, больше всех на свете
Обижалась, верила, ждала
Этих писем в голубом конверте
Девочка из чернского села.

Все они, живые и грустящие,
В безрассудстве молодость виня,
Затаенно, как в почтовом ящике,
Сохранились в сердце у меня.

За рощей тополиной,
За синею грядой
Живет в лесу Полина,
Живет моя Полина,
Моя
Полина
Виардо.

То нежно, то сурово
Горит моя звезда.
А я печалюсь снова
На краешке чужого,
Чужого
Доброго
Гнезда.

Я сам за все в ответе
И подтверждаю вновь,
Что есть на белом свете,
Что есть еще на свете
Такая
Странная
Любовь.

Не всякий знал чужбину,
Париж или Бордо.
Но есть у всех Полина,
У всех своя Полина,
Своя
Полина
Виардо.

Может быть, в Саратове,
Может быть, в Казани
Волга меня сватала
На речном вокзале.

Ой ты, Волга-матушка,
Не могу утешить:
Я не брошу камушка
В голубую Снежедь.

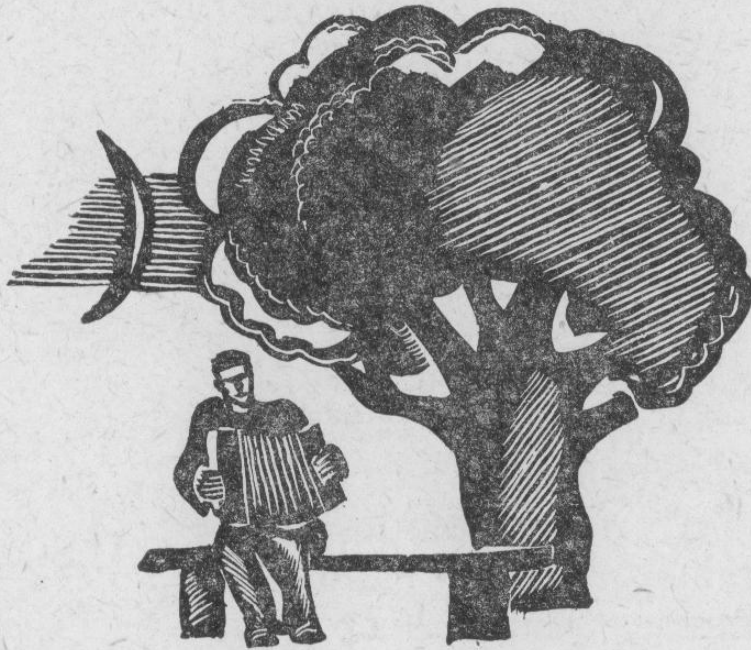
Я давно в любовь не верю,
Все равно назло беде
Обниму холодный берег,
Свешу голову к воде.

Я украдкой поцелую
Речку Снежедь в лозняке,
Словно жилку голубую
У девчонки на руке.

*Ну-ка, память, трогай дрожки
В Слободу Стекольную
Прямоезжею дорожкой,
А не то — окольною.*

*Мне знакома та и эта,
Той и этой хаживал.
А теперь дороги нету,
Нету и не спрашивай.*

*Значит, память, прямо к лугу,
Прямо к лугу Бежину:
Навестим бывшего друга,
Поклонимся прежнему.*

Все та же даль, все то же поле,
Все той же речки полукруг.
Душа заходится от боли,
Когда увижу Бежин луг.

Все так же светится в тумане
Среди дубов, среди раки
Костер моих воспоминаний,
Моих негаснущих обид.

Мой друг веселый и угрюмый,
Я завернул опять к тебе,
Чтоб поделиться горькой думой
О неустроенной судьбе.

Быть может, глупо или странно,
Что я беру тебя в пример:
Моя душа открытой раной
Напоминает твой карьер.

Прости, что выслушать заставил,
Что запоздалый гимн пою,
Что безрассудно тут оставил
Любовь и молодость свою.

Давай-ка лучше вспомним снова
Среди житейских грустных дел
Того, кто нежно и сурово
Тебя прославил и воспел.

Горит и светится в тумане
Над ворохом обид и ссор
Костер иных воспоминаний —
Святой тургеневский костер.

Мне памятна каждая вежа,
Любой перелесок и куст,
Где бродит певучее эхо
Тургеневских мыслей и чувств.

А эхо, забыв о дорожках —
Лесных, полевых, луговых, —
Плутает повсюду на дрожках,
На дрожках своих беговых.

Городок — столица захолустья —
Задремал у зушских берегов.
Веяло сиреневою грустью
От его запущенных садов.

Как об этой прелести расскажешь? —
Человек дивился и молчал:
Видел он чудеснее пейзажи,
А роднее этих не встречал.

Гляделись звезды робко в Снежедь,
Дремали кони на лугу.
Всю ночь, распугивая леших,
Горел костер на берегу.

Струился дым белесой лентой
И уплывал по сторонам.
Ребячьи сказки и легенды
Мешались с дымом пополам.

А у костра, поджав колени,
Не опуская добрых глаз,
Сидел задумчивый Тургенев
И слушал будущий рассказ.

Прикрыв колени легкой шалью,
Тяжелых не смыкая век,
Тоской терзался в Буживале
Больной усталый человек.

Недугом скованное тело
Не ощущало ничего.
А сердце ласточкой летело
В родное Спасское его.

Проплывают годы вереницей
Над его чубатой головой,
И садятся тучи, словно птицы,
На развилки кроны вековой.

Я невольно голову склоняю,
Тронутый величием его,
И по-русски трижды обнимаю
Давнего знакомца своего.

Я останавливаюсь снова
У старых лип и тополей.
Здесь дома барского подкова
Была неволей для людей.

Метался стон в округе спасской
И растворялся без следа.
Лишь несмываемую краской
Цветы сгорали от стыда.

У этой старины ракитовой,
У этих сел, у этих рек
Бродил охотник знаменитый,
Большой и добрый человек.

Он слушал шепот камышовый,
Прицеливался в дичь озер,
А выстрелил суровым словом
Самодержавию в упор.

Никак найти не удастся,
Никак приметить не могу
У Варнавицкого колодца
Следы легенды на лугу.

А я брожу, забыв усталость,
Чтоб этот миг запечатлеть:
Над Спасском молния взвивалась,
Как лутовиновская плеть.

Запалили мальчишки
Среди луга костер.
Шаловливые вспышки
Озарили простор.

Захлестнули округу
Золотые лучи.
Сердце Бежина луга
Запылало в ночи.

Бушевали метели,
И хлестал проливной.
Дни и ночи летели
Над родной стороной.

Стал иными делами
Старый луг знаменит.
А костер вечерами
Еще жарче горит.

И мальчишки в ударе
Размечтаются вслух:
— Братцы, вот бы Гагарин
Приземлился на луг!

Голоса замирают,
Улетая во мрак,
А костер полыхает,
Как посадочный знак.

Над притихшим зданием вокзала
Проплывают в вечность облака.
Радостное солнце обласкало
На пригорке плечи земляка.

Выйди на Бастыевском вокзале,
На знакомый облик погляди:
Белый бюст красуется медалью
У родного края на груди.

В спасском парке
Нежный свет струится,
Соловьи без умолку поют.
Дорогому дубу поклониться
Старые и малые идут.

Шествует под светлыми верхушками
Добрая читательская рать:
Сколько ни старается кукушка,
А никак не может сосчитать!

*В минуты счастья и печали
Люблю в Орле, люблю в Крыму
Сады в белеющем накале
И светло-розовом дыму.*

*В своей любви наивно каясь,
Я откровенно говорю,
Что в этом дыме задыхаюсь
И в этом пламени горю.*

Где-то в Махинджаури
Или в Зеленом Мысу
«Витязь в тигровой шкуре»
Приютил нас в грозу.

Мы шутили и пели,
Подняв дружеский тост
За Шота Руставели,
За сияние звезд.

Море грозно гудело,
Рокотало у скал.
Море тоже хотело
Опрокинуть бокал.

Успокоилась буря,
Лишь шумел под горой
«Витязь в тигровой шкуре» —
Ресторанчик морской.

За мысом спряталась в дозоре
Настороженная луна,
И утонула в синем море
Предгрозовая тишина.

Я слышу дальний топот конский,
Я подглядел издалека,
Как через горы по-шпионски
Переползают облака.

А рядом волны бьют ракушки,
Гремят о цепи якорей,
И в тучи целятся верхушки
Пирамидальных тополей.

У золотистого причала
На черноморском берегу
Россия пела и плясала
В широком дружеском кругу.

Дивились пылкие грузины,
Вздыхали томно латыши:
Какой задор, какая сила,
Талант и молодость души!

А на прощанье долго-долго
Рукоплескал Зеленый Мыс,
Ревели волны от восторга
И вызывали нас на бис.

Я признался морю откровенно,
Что совсем остаться не могу,
Что меня Прекрасная Елена
Ожидает в Бежином лугу.

А оно, вихрастое и злое,
Яростно ревнуя и любя,
По щекам ударило волною
На глазах у всех из-за тебя.

Не привык шутить и улыбаться,
У меня короткий разговор:
— Слушай, море,
Если будешь драться,
Вытащу на берег за вихор!

Затосковав о русых косах,
О голубых глазах девчат,
Ребята пели о березах,
О тех березах, что не спят.

То утопая в синем шуме,
То набирая высоту,
От Кобулету до Батуми
Звучала песня на борту.

Она звала на подвиг ратный
Перед лицом военных гроз.
Была мучительно понятной
Для всех бессоница берез.

А у меня невольно слезы
Нахлынули из глубины:
Ведь эти самые березы
Из нашей мценской стороны!

Не могу ничем себя утешить,
Почему не захватил на юг
Тихую, задумчивую Снежедь
И в ромашках желтых Бежин луг.

Я жалею, что оставил дома
Гречкою пропахшие поля,
Деревушку, крытую соломой,
Белые от пуха тополя.

Увезти бы мне родные вербы,
Сад вишневый, родничок лесной.
Только я тогда не захотел бы
Возвращаться ни за что домой.

Я только месяц из России,
А кажется: давным-давно
Пью коктебельский воздух синий
И коктебельское вино.

То голубое, то зеленое
Качаю море на плечах.
Осадок горький и соленый
Запекся на моих губах.

А ночью тихо просят губы
Глоток лесного ветерка,
Глоток воды, ломающей зубы,
Что в роднике у Снежедка.

На ромашковых полянах
И в заснеженных лесах
Я вздыхал о дальних странах
И летучих парусах.

Мне казалось в самом деле —
Все дороги в Рим ведут.
Только годы пролетели
И затих бродяжий зуд.

Я проплыл по синю морю,
Покружил в краю чужом.
Только в радости и в горе —
Все тянуло в отчий дом.

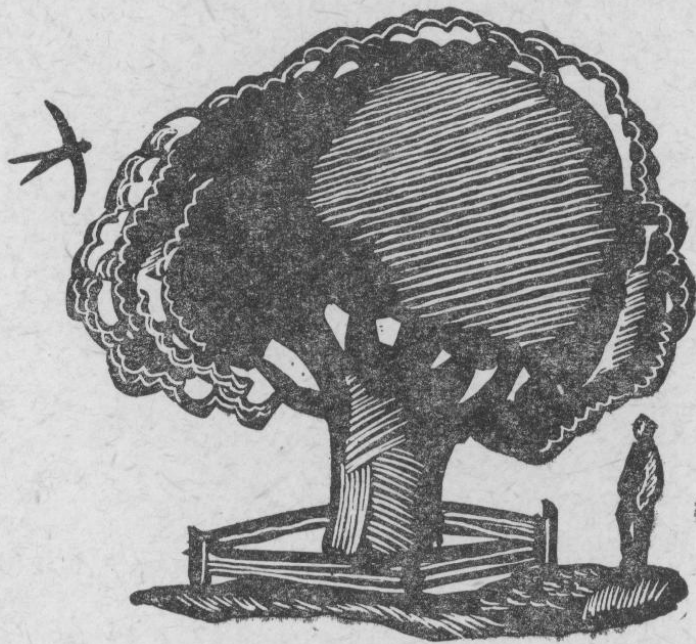
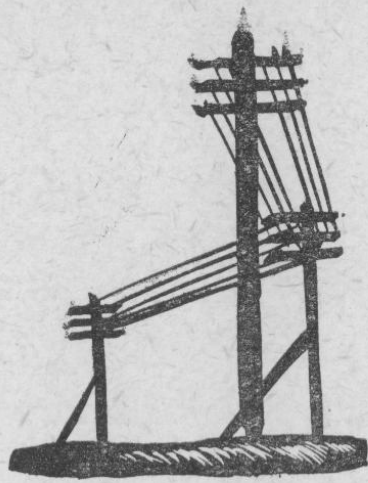
Я теперь бесспорно знаю:
Все дороги — до одной —
Нас ведут к родному краю,
К стороне ведут родной.

Ты дала красивое страданье...

С. Есенин

*Опять знакомая дорога
Меня на Снежедь привела.
Затихла давняя тревога,
Душа спокойна и светла.*

*И лишь по-прежнему над полем,
Не умолкая никогда,
Моей невысказанной болью
Гудят и стонут провода.*

Речка Снежедь, речка Снежедь,
Не шуми и не ворчи.
Я люблю тебя за свежесть
И прозрачные ключи.

Родниково-ледяная,
С мелкой рябью на волне,
Ты бежишь навстречу маю,
Ты спешишь навстречу мне.

Ты не в Зушу, ты не в Зушу,
Ты не в Зушу, а в меня,
А в мою впадаешь душу,
Обжигая, леденя.

А меня берет досада,
Что дика не в меру ты,
Что от ласкового взгляда
Робко прячешься в кусты.

Разве ты не замечаешь,
Что не годы, а века
Все плутаешь, все плутаешь
По изгибам лозняка?

Родниково-ледяная,
Не ворчи и не шуми.
Ты пойми меня, родная,
Наконец меня пойми.

Я люблю тебя за нежность
И лукавить не привык.
Что же ты петляешь, Снежедь,
И боишься — напрямик?

Говорят, что мы с тобой
Совершенно разные:
Я веселый и простой,
Ты горячка властная.

Не жалею о судьбе,
Не гляжу растерянно:
Я рублю не по себе,
Но по сердцу дерево!

На всех углах и перекрестках
Я замечал в толпе людей
Твое лицо, твою прическу
И удивленный взлет бровей.

Я много лет иду по следу,
По следу твоему иду,
Любовь и ненависть изведав,
Изведав радость и беду.

А ты сама не замечаешь,
Что излучаешь дивный свет:
Ты, словно звездочка, мерцаешь
Передо мною много лет.

На всех углах и перекрестках
Твое мерещится лицо,
Твои глаза, твоя прическа
И обручальное кольцо.

Я давно тобою спутан
По рукам и по ногам.
Мчатся годы, как минуты,
Ну, а воз поныне там.

Сколько можно жить в разлуке? —
Я прошу тебя, прошу:
Развяжи мне только руки,
Ноги сам я развяжу!

Скоро небо кругом загорится
Огоньками далеких звезд.
Проводи меня по традиции
За тургеневский мост.

Мне такое сказать тебе хочется,
Чтоб запомнила, словно стих.
Как мне хочется одиночество
Разделить на двоих.

Мы простимся с тобой у пригорка,
Там, где шепчутся деревца.
До чего мне обидно и горько,
Что традиции нет конца.

Я стучался в окошко семь лет
Терпеливо, без шума, без окрика.
Только жаль, не услышал в ответ
Долгожданного отклика.

Я теперь в твое сердце стучу
То отчаянно, то уверенно.
Я взломать твое сердце хочу,
Потому что ключи утеряны.

Распуши в горячую минуту,
Занеси над головою плеть, —
Все равно оторопело буду
Под окошком у тебя глазеть.

Испытай предателя и труса:
Грозного спусти и натрави.
Люди скажут: помер от укуса,
Он один поверит — от любви.

Слишком много будет разговоров! —
Лучше натрави и придержи,
Чтоб порвал штанину, словно вору,
Не добравшись до моей души.

Я прикинусь бедной сиротиной,
Так тебе и надо, чудаку!
Запылю разорванной штаниной,
Уходя домой по большаку.

Я опять в разлуке заболею,
Буду крепко думать и тужить
И, конечно, горько пожалею,
Что штанину некому зашить.

Как хочешь, как хочешь, как хочешь,
Как хочешь меня назови.
Ей-богу, мне очень и очень
Понравились бусы твои.

Прости за обидное слово,
Прости за дурацкую спесь.
Но если увидимся снова,
Пожалуйста, бусы повесь.

Я верю, что грусть и печали
Растают, как снег по весне.
Сквозь синие-синие дали
Отчетливо видится мне:

Выходит из дома бабуся,
Идет потихонечку в сад,
А годы тяжелыми бусами
На худенькой шее висят.

Я обижался долго-долго,
Что ты поссорилась со мной,
Что одного качает Волга
Под астраханскою луной.

Меня одно с ума сводило,
Что ты в родимой стороне
Нелепо Волге изменила,
Бездумно изменила мне.

Я не играл с любовью в жмурки
И от обиды сам не свой:
Всю ночь с отчаянья окурки
Бросались в Волгу головой.

Я забыл слова твои бедовые,
Потому что много-много лет
Получаю карточки почтовые,
Ну, а в них коротенький привет.

В них о сокровенном не расскажешь,
Не раскроешь до конца души.
Ради бога, если письма в тяжесть,
То открытки лучше не пиши.

Понимаешь, тяжело мужчине
Пробиваться на сухом пайке.
Прибавляй, пожалуйста, отныне
По одной чувствительной строке.

Сердце ждет, а сердце не обманешь,
Потому и спрашиваю вновь:
Боже мой, когда ты перестанешь
Выдавать по карточкам любовь?

Лето сыпало дождями
Да отборными.
Пробежала между нами
Кошка черная.

Осень желтыми лесами
Лето выжила.
Пробежала между нами
Кошка рыжая.

А зима мела снегами
Вечность целую.
Пробежала между нами
Кошка белая.

Май в округе полыхает,
Осыпая нежный цвет.
Что же нам теперь мешает? —
Ведь зеленых кошек нет.

Чем тебя обрадовать, не знаю.
Все цветы преподнести готов.
Только ты какая-то чудная
И не терпишь никаких цветов.

Возле школы буйно полыхает
Сказочно красивая сирень.
Но она меня не согревает,
А бросает ледяную тень.

Оттого мне горестно и зябко
У больших сиреневых кустов.
Я бы наломал тебе охапку,
Да боюсь, что наломаю дров!

Человек прямой натуры,
Я, ревнуя и любя,
Обозвал в горячке душой,
Деревяшкою тебя.

С той поры промчалось лето,
Отметелила зима.
Ни ответа, ни привета,
Ни открытки, ни письма.

Часто голову морочу,
Горько мучаюсь в ночи.
Обругай меня, как хочешь,
Ради бога, не молчи.

Я скажу, бровей не хмуря,
Что отныне и вовек:
Ты не чурка, ты не дура,
А хор-р-роший человек!

А ты забыла, как грубила
В кругу знакомых и друзей?
Светила лампочка, светила
Одна за шестьдесят свечей.

Да не сдержала, не сдержала
Ее вольфрамовая нить
Такого ярого накала,
Такую огненную прыть.

Сгорела лампочка, сгорела
Мгновенной вспышкой огня.
Наверно, так же почернело
В тот вечер сердце у меня.

Но верил я в тебя упрямо
И убедился в сотый раз:
Прочнее всякого вольфрама
Та нить, что связывает нас.

Сосед с улыбкою провидца
Меня разыгрывал опять:
— У ней признанья не добиться,
Ее тебе не уломать!

А я, отбросив сор и ветошь
Былых упреков и угроз,
Упрямо ждал, что ты ответишь
На мой единственный вопрос.

Я ждал письма, но почему-то
Прислала ты открытку мне
С огнями майского салюта,
Что полыхали в вышине.

Я не в обиде на соседа.
Я знаю, люди часто врут,
А это в честь моей победы
Гремел торжественный салют.

Как дар бесценный и великий,
Я ту открытку берегу,
Где незабудки и гвоздики
Цветут на Бежином лугу.

Я ждал ее, как ждут участия,
Как приговора тайно ждут.
Я до конца изведал счастье
Безумно радостных минут.

Я целовал твою открытку
До иступленья горячо,
Как будто отменили пытку,
Что неизведана еще.

Я шел, взволнованный и гордый,
Пугая кошек и собак
Своей сияющею мордой
С пятном чернильным на губах,

Стою под окнами училища
У поседевших тополей,
Где мы когда-то разлучились
С беспечной юностью своей.

С печатью грусти и заботы
Я у прохожих на виду
Давно стою и жду кого-то,
Кого-то очень-очень жду.

Мальчишки виснут на ограде,
Горят желанием узнать:
— А вы кого хотите, дядя?
Кого вам, дяденька, позвать?

Стою, молчу, в ответ ни слова.
Ну, что я им ответить мог? —
Ведь юность не вернется снова
И ты не выйдешь на порог.

Отложи тетрадки,
Вспомни обо мне.
Все ли там в порядке,
В чернской стороне?

Неспокойно в мире
За моим окном.
В поднебесной шири
Громыхает гром.

Грозовые тучи
Ходят в вышине.
Ты себя не мучай
Думой обо мне.

Гордый и капризный,
Я всегда в пути.
Нелегко по жизни
Одному идти.

Дай на дружбу руку,
Руку — навсегда:
Не страшит разлука,
Не страшит беда.

Я одолею злую стужу
И ночи горькие без сна.
Пускай зима метет и кружит,
А все равно придет весна.

Я не забыл о встречах прежних,
Я горячо уверен в том,
Что снова ласковый подснежник
Пробьется в сердце ледяном.

Я ждал тебя в мороз и вьюгу
На главной улице села.
Ты шла походкою упругой
И гордо голову несла.

Теперь сама не замечаешь,
Что не ступаешь, а скользишь,
Что мне не прямо отвечаешь,
А робко в сторону косишь.

Не нужно мне улыбки кроткой,
Ни оправдания, ни слез.
В знакомом взгляде и походке
Я вижу явный перекося.

Я помню: ты клялась и спорила
В последний раз наедине,
Что волны жизненного моря
Не смоят память обо мне.

А в самом деле просто было:
Ни бурь, ни грома, ни грозы.
Тебе для этого хватило
Одной-единственной слезы.

Висела стужа над рекою,
Огни светились впереди.
Я шел понуро за тобою:
— Не уходи, не уходи!

Я звал тебя на том распутье,
За той рекой, за тем мостом,
Хватая воздух жаркой грудью
И широко раскрытым ртом.

Я задыхался от удушья,
Бессильно ворот тебе.
Мне не хватало в эту стужу,
Как будто воздуха, тебя.

Когда придется повстречаться
На перекрестке у реки,
Ты можешь мне не улыбаться,
Не подавать в ответ руки.

Но тыними во всяком случае
Свои ученые очки.
Я загляну в твои колючие,
В твои точеные зрачки.

Я не скажу тебе ни слова
И зашагаю на большак,
Зажав угрюмо и сурово
Обиду кровную в кулак.

Ты улыбнешься без причины,
И затуманит грусть очки,
И будут целиться мне в спину
Твои огромные зрачки.

Тряхнув своей прической модной,
Ты вновь встречаешь на крыльце
Меня подчеркнуто холодной
И кислой миной на лице.

Я долго ждал, наивно веря,
Что снизойдешь когда-нибудь,
А в этот вечер, хлопнув дверью,
Ты отрубилла:
— Позабудь!

А в этот вечер синий-синий
Бесповоротно понял я,
Что на твоей надменной мне
Подорвалась любовь моя.

За моею спиной
Гулко выстрелит дверь,
И напрасно в нее
Барабанить.
Ты вдогонку мне бросишь
Презрительно:
— Зверь! —
Чтобы в самое-самое
Ранить.

И, как раненый зверь,
Я начну ковылять,
Побегу от тебя,
А куда, неизвестно,
Чтобы долго по свету
Петлять и петлять
И опять возвратиться
На прежнее место.

Я бегу сквозь метели,
Дожди и года
От тебя,
От беды,
От недоброго взгляда.

И, как раненый зверь,
Возвращаюсь туда,
Где меня поджидает
Бессонно
Засада.

Меня мучительно тревожит,
Что ты лукавей с каждым днем.
Твоя наигранность похожа
На шалость детскую с огнем.

Я улыбался и бесился,
Я умолял и угрожал,
Пока всерьез не убедился,
Что неминуем тот пожар.

И ты ничуть не поумнела,
И я остался в дураках.
Тебя другой, наивно смелый,
Из пекла вынес на руках.

Ты слишком поздно спохватилась.
Ну, что же, милая, ну, что ж:
Не плачь над тем, что совершилось,
Огонь слезами не зальешь.

Не плачь, что юность отшумела,
Пойми в раскаянье своем:
О, сколько в жизни погорело
От детской шалости с огнем!

Погорели старые контакты,
Дружба навсегда оборвалась.
У какой тропинки или тракта
Ты теперь налаживаешь связь?

На какое новое свиданье
Ты спешишь, тревогу заглушив?
Может, снова в сердце замыканье
Или неожиданный обрыв?

Что-то часто,
Что-то слишком часто
У тебя не ладятся дела:
То ли люди злы и безучастны,
То ли ты заносчива и зла.

Я о людях не скажу ни слова,
Ничего плохого не скажу,
Потому что нежно и сурово
Дружбою людскою дорожу.

Ну, а ты бездумна и спесива,
Потому не сможешь никогда
Опуститься до черты обрыва,
Чтоб замкнуть зубами провода.

Под тяжестью обид сутулясь,
Превозмогая боль и злость,
Я покидал тебя и юность,
Сжигая за собою мост.

А мост был шаткий и скрипучий,
Висел над самою водой,
Грозя разлукой неминучей
И неминучею бедой.

Я жег в огне любую малость,
Что дорога и свята мне,
Чтоб ничего не оставалось
На той постылой стороне.

Мои друзья отлично знали,
Что совесть у меня чиста,
А все же думали в печали:
«Ну, как же речке без моста?»

Я уходил в закат багровый,
Превозмогая боль и злость,
А люди возводили новый,
Надежный и красивый мост.

Не вынес я душевной пытки,
Твоей жестокой правоты:
Спалил все письма и открытки,
Свои надежды и мечты.

Душа в отчаянье ослепла,
И помутился разум мой.
Дымился долго ворох пепла
И шевелился как живой.

Но было поздно, поздно, поздно! —
Уже не сделать ничего.
И вспоминался жалкий Грозный
Над трупом сына своего.

Я теперь сожалею малость,
Что от прежних веселых дней
У меня на память не осталось
Даже фотографии твоей.

Долго сердце надеждой грелось,
Что созреет любовь в тиши.
Притаилась зверюшкой ревность
В закоулках моей души.

Проклинаю свою умеренность,
Будоражу огонь в себе,
Чтобы думалось, чтобы верилось,
Чтобы плакалось о тебе.

Я вспоминаю с тихой болью
Твой актерские дела.
Ты выступала в главной роли,
А роль любовная была.

Я восхищался неизменно,
Я не сводил влюбленных глаз,
Когда ты, выбежав на сцену,
Произносила в сотый раз:

— Я эту клятву не нарушу,
Я эту клятву не предаю.
Я за нее отдам всю душу,
Всю кровь по капельке отдам!

Не упрекаю и не плачу,
Переживая молча боль,
Что ты совсем-совсем иначе
Свою доигрываешь роль.

Я огорченно хмурю брови,
Что слишком поздно разглядел
Несовместимость нашей крови,
Несовместимость душ и дел.

Пусть на тебя я карту ставил
И жизнь закладывал свою.
Есть исключения из правил,
И я о них не утаю.

Любил ли я?
Зачем об этом?
О том, что любят, не кричат.
Об этом бредят до рассвета
И по ночам стихи строчат.

Грубил ли я?
Ей-богу, грешен!
Не потому, что слишком груб,
А потому, что слишком нежен
И не ловил случайных губ.

В моей любви жила мятежность,
И ты совсем не поняла,
Что грубость
Означала нежность,
А нежность
Грубостью была.

Меня любовь гнала из дома
И заставляла выть и петь.
Дай бог такой любви любому,
Чтоб гордо
Жить и умереть.

Я столько раз лишался веры,
Тонул в воде,
Горел в огне.
И никогда не знали меры
Любовь и ненависть
Во мне.

Пусть на тебя я карту ставил
И жизнь закладывал свою.
Есть исключения из правил —
И я о них не утаю.

Я открываю слишком поздно,
Что ты шутя со мной была
То легкодумна, то серьезна,
То равнодушна, то мила.

За все улыбки и приветы,
За все, чем очарован был,
Платил я крупною монетой,
Я круглой суммою платил.

Моим ошибкам и удачам
Ты хладнокровно счет вела:
Ты возвращала честно сдачу,
А сдача мелочью была!

От Снежеди до станции —
Следы, следы, следы...
Следы по сердцу тянутся
От счастья до беды.

Я все простил, что было,
В одном тебя виня:
Зачем ты наследила
На сердце у меня?

Я не забыл,
Я не забыл
Следы над Снежкой и Зушей.
Я так мучительно любил
Глаза, затопленные стужей.

Ты не поймешь,
Ты не поймешь,
Какой заплачено ценою
За эту голубую дрожь,
За это счастье ледяное.

В последний раз,
В последний раз
Я протянул на дружбу руку,
А ты плеснула стужей глаз
И гордо предпочла разлуку.

Я не виню,
Я не виню,
А горько-горько сожалею:
Я подчеркнул любовь свою,
Ты подвела черту под нею.

Какие горькие слова,
Какие бессердечные:
Разрыв-трава, разрыв-трава,
Разрыв на веки вечные.

А мне до боли дорога
Любовь моя угарная.
Пойдем в луга, пойдем в луга,
Сорвем траву коварную.

Дурной траве не место тут
С ее цветами жуткими.
Пускай цветут, пускай цветут
Ромашки с незабудками.

Я снова, я снова, я снова,
Как в юности, болен тобой:
Твоей красотой бестолковой,
Твоей непутевой судьбой.

С годами ты стала мне ближе,
Да только жалею не жалею,
А больше тебя не увижу
У этих речных тополей.

Спокойна вечерняя заводь,
И все-таки надо понять,
Что глупо за звездочкой плавать,
Что поздно ее догонять.

Не надо азарта и риска,
Напрасно гадать по руке.
Ты стала далекой и близкой,
Как звездочка эта в реке.

И все же люблю неизменно,
И даже судьбе вопреки,
Как будто твое колено,
Целую изгиб у реки.

Где ты в жизни затерялась, милая?
На какой земле, в каком краю?
На какую новую фамилию
Променяла девичью свою?

Слышишь ли, далекая, чужая? —
Я с тобой сквозь годы говорю:
Я тебя с любовью вспоминаю
И всегда в душе благодарю.

Пусть не я тебя ласкал и миловал,
Пусть не я качал твоих детей,
Пусть совсем другому ты вскормила
Умных и красивых дочерей.

Все равно,
Смешная и колючая,
Мне покоя в жизни не даешь
И, как прежде,
Радуя и мучая,
Вдохновляешь и вперед зовешь.

Я живу затворником-тихоней
После всех печалей и утрат.
На моем заброшенном балконе
Голуби выводят голубят.

Я порой невольно сожалею,
Что дожил почти до сорока,
А гнезда такого не имею
И о нем не думаю пока.

Неужели скоро стукнет сорок? —
Жизнь уходит, годы торопя.
Каждый день мучителен и горек,
Если вспоминаю про тебя.

Не виню, не требую ответа
И не плачу над своей бедой.
Если б ты пережила все это,
То, наверно, стала бы седой.

Ну, а я все беды пересилю,
Пересилю и воскресну вновь.
Может, в Плавске, может, в Новосиле
Встречу настоящую любовь.

А пока живу себе тихоней,
И, признаться, несказанно рад,
Что за дверью на моем балконе
Голуби выводят голубят.

Это имя
Вьюгам не заснежить,
Никаким снегам
Не замести.
Я склоняюсь над тобою,
Снежедь,
Чтоб слова любви
Произнести.

Ты бежишь
Такая светло-синяя,
Золотыми брызгами слепя.
Что-то есть
От снега и от инея,
Что-то есть
От солнца у тебя.

Скачешь ты
От омута до мели,
Шумно завихряясь и бурля.
Что-то есть
От вьюги и метели,
Что-то есть в тебе
От февраля.

Я бреду
Сквозь белые туманы,
За тобой в историю иду.
Не твоим ли именем
Снежану
Окрестили вятичи в роду?

Может быть,
Над этою долиной
Заливался Вятко соловьем.
Что-то есть
Былинное-былинное
В родниковом имени твоём.

Словно Русь,
Нежна и своенравна,
Ты хранила мужественно честь.
Что-то есть в тебе
От Ярославны
И от Несмеяны
Что-то есть.

Это имя
Вьюгам не заснежить,
Никаким снегам
Не замести.
Я склонился над тобою,
Снежедь,
Чтобы вновь:
— Люблю! —
Произнести.

СОДЕРЖАНИЕ

«Легли налево и направо моей поэзии края...»	6
«Мой дед всю жизнь пахал и сеял...»	8
«Чудак и труженик великий...»	9
«В двенадцать лет во мне Гудиловка признала дружно косаря...»	10
«Такого клевера не встретишь...»	11
«Я слышу говор кос и грабель...»	12
«В те годы мы еще не знали...»	13
«За ракитовой канавой...»	14
«Свежий хлеб — ржаное чудо...»	15
«Я покидал места родные...»	16
«Я опять, усталый и счастливый...»	17
«Я в деревню часто приезжаю...»	18
«Дорога радует не всякого...»	19
«Морозною февральской полночью меня мамаша родила...»	
«Всех святых на помощь звали...»	22
«Скрипел январь полозьями...»	23
«Под нашею горою...»	24
«Мать присела на порог...»	25
«Окидываю мысленно...»	28
«Пошлю красивую открытку...»	31
«Всю-то жизнь, всю жизнь по доброй воле...»	32
«Вернусь из странствий в сентябре	33
«Снежный ветер ударялся в пляску...»	34
«Говорят, моя бабуся колдовала по ночам...»	35
«Теперь у нас в Гудиловке сугробы выше крыш...»	37
«Вновь в душе сумятица...»	38
«Отстал от стаи журавленок...»	40
«Может, был неправ когда-то...»	41
«Ты помнишь девочку чернявую...»	42
«Слишком рано...»	44
«Целый вечер у меня в соседстве...»	46
«Махнув рукою на деревню...»	48
«Шумела осень над ракетами...»	49
«Вдвоем с черноглазой подружкой...»	50
«Я заверил грустную подружку...»	51
«Случайно юную русалку я встретил в Бежином лугу...»	52

«На старой полтевской дороге...»	53
«Я стоял, немой и недвижимый...»	54
«Бывало, из Тулы и Мценска...»	55
«Я в глаза заглядывал ей часто...»	56
«В лицо мне хлестали дожди и метели...»	57
«Мне так хотелось в этот вечер...»	58
«Ой ты, Зуша, красавица Зуша...»	59
«Кто-то утверждает на гармошке...»	61
«Природа, ты моя больница...»	62
«В конце весны, в начале лета...»	64
«Где тот дремучий травостой...»	65
«Реченька Нареченька...»	67
«Я шел росистой дорожкой...»	68
«У соловьиного откоса...»	69
«Нежною прохладою зари...»	70
«Все лето небо с треском рвется...»	71
«Земля потрескалась без снега...»	72
«Позамело следы и тропы...»	73
«Прогудели над лесом вьюги...»	74
«Над головой ни звезд, ни месяца...»	75
«Затерялся маленький в глубинке...»	76
«Его ждала вдали удача...»	77
«Я пойду ромашки вой дорожкой...»	78
«Видно, я у них в опале...»	80
«Я узрел его еще мальчишкой...»	81
«Я вновь задумаюсь в печали...»	83
«Знакомых дорог перекрестки...»	85
«Скоро вьюга запенится...»	86
«Порою грусть возьмет за душу...»	88
«Я вышел рано в путь-дорогу...»	89
«У меня над самой головою...»	90
«Снова гибнут люди где-то...»	92
«Упорно не забываются, все вспоминаются мне...»	93
«Плелась в глухую ночь лошадка...»	94
«Где-то рядом громыхали пушки...»	95
«Дороги днем и ночью под танками пылят...»	96
«Повисла хмарь над лугом...»	97
«Совсем чужая бабка, копаясь у плетня...»	98
«Под старую ракитой висел плужной отвал...»	100
«Я узнаю его по форме...»	102
«Дома от боли охали...»	103

«Прошел родитель пол-Европы...»	105
«Мне представляется картина...»	106
«У ограды чутко и устало...»	107
«Слышен треск на всю округу...»	108
«Далеко ушла война...»	109
«Мы рано детство потеряли...»	110
«По-прежнему тянет и тянет, на родину тянет меня...»	112
«В уголке под лавкою в старенькой квашне...»	114
«Помню: дед, худ и сед, зашумит с полатей...»	115
«Приеду — разобью палатку в своем заброшенном саду...»	117
«Тогда, как бор сосновый...»	118
«Славился в округе давний предок мой...»	119
«У ней потрескались колеса...»	121
«Поле, как в былине, за рекой...»	122
«Сердце радо переменам...»	123
«Откоптили черные избушки...»	124
«Снова сын с невесткой деда атакуют...»	125
«Вот и вывели стропила, замостили потолок...»	127
«За Старую Отрадой...»	128
«Было утро — яблоньки цвели...»	129
«Зашевелились в кронах почки...»	130
«Прости меня, багряный Васин...»	131
«Убегает вдаль тропинка...»	132
«Грустит у перекрестка, тревогу затая...»	133
«Обещала весной березка...»	134
«Вновь напомнил прежнее...»	135
«Я вернусь домой не скоро...»	137
«Ни в Солотче, ни в Криуше...»	139
«Может, эта явная ошибка...»	140
«Открываю горестную правду...»	141
«За рощей тополиной, за синею грядой...»	142
«Может быть, в Саратове, может быть, в Казани...»	144
«Я давно в любовь не верю...»	145
«Ну-ка, память, трогай дрожки...»	146
«Все та же даль, все то же поле...»	148
«Мне памятна каждая вежа...»	150
«Городок — столица захолустья...»	151
«Гляделись звезды робко в Снежедь...»	152
«Прикрыв колени легкой шалью...»	153
«Проплывают годы вереницей...»	154

«Я останавливаюсь снова у старых лип и тополей...»	155
«У этой старины ракитовой...»	156
«Никак найти не удастся, никак приметить не могу...»	157
«Запалили мальчишки среди луга костер...»	158
«Над притихшим зданием вокзала...»	160
«В спасском парке нежный свет струится...»	161
«В минуты счастья и печали...»	162
«Где-то в Махинджаури...»	164
«За мысом спряталась в дозоре...»	165
«У золотистого причала...»	166
«Я признался морю откровенно...»	167
«Затосковав о русских косах...»	168
«Не могу ничем себя утешить...»	169
«Я только месяц из России...»	170
«На ромашковых полянах и в заснеженных лесах...»	171
«Опять знакомая дорога...»	172
«Речка Снежедь, речка Снежедь...»	174
«Говорят, что мы с тобой совершенно разные...»	176
«На всех углах и перекрестках...»	177
«Я давно тобою спутан...»	178
«Скоро небо кругом загорится...»	179
«Я стучался в окошко семь лет терпеливо...»	180
«Распуши в горячую минуту...»	181
«Как хочешь, как хочешь, как хочешь...»	182
«Я обижался долго-долго...»	183
«Я забыл слова твои бедовые...»	184
«Лето сыпало дождями да отборными...»	185
«Чем тебя обрадовать, не знаю...»	186
«Человек прямой натуры...»	187
«А ты забыла, как грубила...»	188
«Сосед с улыбкою провидца...»	189
«Как дар бесценный и великий...»	190
«Стою под окнами училища у поседевших тополей...»	191
«Отложи тетрадки, вспомни обо мне...»	192
«Я одолею злую стужу...»	193
«Я ждал тебя в мороз и вьюгу...»	194
«Я помню: ты клялась и спорила...»	195
«Висела стужа над рекою...»	196
«Когда придется повстречаться...»	197
«Тряхнув своей прической модной...»	198
«За моею спиной...»	199

«Меня мучительно тревожит...»	201
«Погорели старые контакты...»	202
«Под тяжестью обид сутулясь...»	203
«Не вынес я душевной пытки...»	204
«Я теперь сожалею малость...»	205
«Я вспоминаю с тихой болью...»	206
«Пусть на тебя я карту ставил...»	207
«Я открываю слишком поздно...»	209
«От Снежеди до станции — следы, следы, следы...» . .	210
«Я не забыл, я не забыл...»	211
«Какие горькие слова...»	212
«Я снова, я снова, я снова...»	213
«Где ты в жизни затерялась, милая?...»	214
«Я живу затворником-тихоней...»	215
«Это имя вьюгам не заснежить...»	217

*Иван Васильевич
Александров*

СНЕЖЕДЬ

Редактор *И. Ф. Панькин.*

Художник *А. С. Макаров.*

Художник-редактор *М. Г. Рудаков.*

Техн. редактор *С. А. Харитонова.*

Корректор *Б. М. Дорогонько.*

Сдано в набор 30 января 1974 г. Подписано к печати 5 апреля 1974 г. Формат 70×108^{1/32}. Печ. л. 7 (9,8). Уч.-изд. л. 4,79. Тираж 9000 экз. ЦП00041. Заказ 118. Цена в переплете № 7 — 72 коп. на типографской бумаге № 1.

Приокское книжное издательство,
г. Тула, ул. Каминского, 33.

Тульская типография «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.